

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-58-77

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Диляра Кутдусовна Давлетшина
Марина Евгеньевна Коровкина

Московский государственный институт международных отношений
(Университет), г. Москва (Россия)

Для контактов: mekorovkina@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется когнитивная природа интерпретации смысла в переводе и роль переводчика-интерпретатора, который выявляет смыслы, заложенные отправителем сообщения исходного языка (ИЯ), и передаёт их на язык перевода (ЯП). Цель статьи заключается в рассмотрении взаимодействия компетентностного и интерпретационного факторов перевода. Задачи исследования сводятся к выявлению лингвистических и экстралингвистических факторов, вызывающих необходимость интерпретации смысла, и к демонстрации специфики подхода к интерпретации при переводе текстов специальной коммуникации. Результаты исследования показывают, что переводчик способен выполнять свои профессиональные задачи при условии овладения им на профессиональном уровне основными переводческими компетенциями — коммуникативной, экстралингвистической и специальной, позволяющими ему использовать основной когнитивный механизм перевода, а именно инферирование, составляющее основу интерпретации смысла в переводе. При осмыслении и понимании сообщения на ИЯ переводчик направляется от референции к смыслу и прибегает к смысловым выводам-инференциям. При ревербализации смысла на ЯП в направлении интерпретации от смысла к референции переводчик порождает смысловые выводы-имплицатуры, адресованные получателю сообщения на ЯП. Смысловые выводы основаны на общности пресуппозиционных знаний отправителя со-

© Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е., 2023

общения, его получателя и переводчика, который при этом осуществляет их некоторую аппроксимацию. В статье также представлена типология основных переводческих трудностей, обуславливаемых межъязыковыми асимметриями и приводящих к необходимости интерпретировать смысл сообщения на ИЯ и формулировать его лингвоспецифичными средствами на ЯП. Данные трудности проиллюстрированы интересными примерами из текстов специальной коммуникации, при переводе которых требуется особая точность передачи смысла, которая часто понимается начинающими переводчиками как необходимость сохранения формы выражения на ЯП, что приводит к буквализмам. Осознание роли интерпретации в переводе текстов специальной коммуникации способствует соблюдению норм стиля и узуса ЯП.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, межъязыковые асимметрии, профессиональные компетенции переводчика, тексты ЯСЦ, инферование, пресуппозиция, инференция, имплицатура

Для цитирования: Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е. К проблеме интерпретации в переводе текстов специальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 2. С. 58–77. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-58-77

Статья поступила в редакцию 12.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 29.09.2023.

INTERPRETATION REVISITED: ITS IMPACT ON LSP-TRANSLATION

Dilyara K. Davletshina
Marina Ye. Korovkina

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow (Russia)
For contacts: mekorovkina@gmail.com

Abstract. The article explores the cognitive nature of sense interpretation in translation and the role of translator/interpreter who reveals the sense meant by the sender of the source language (SL) message and conveys it in the target language (TL). The objective of the article is to study the interaction of competence and interpretation factors in translation. The tasks closely related to the objective are as follows: to identify linguistic and extralinguistic factors that bring about the need for interpreting the sense in the SL, to show the specifics of interpreta-

tion in the LSP-texts and to present the typology of translation difficulties that can be coped with by sense interpretation. The findings of the research have shown that the translator is capable of performing his/her professional tasks only if he/she has a mastery of professional translator competences — the communicative, extralinguistic and specialized ones that enable him/her to resort to the key cognitive mechanism of translation — inferencing — that serves as a basis for interpreting sense in translation. While grasping the meaning of the SL message, the translator moves from the reference to sense and derives inferences. When reverbalingizing the sense in the target language in moving from the sense to reference, the translator generates implicatures targeted at the TL message recipient. Inferences and implicatures are based on the common presuppositional knowledge of the SL message sender, TL message recipient and the translator who has to perform the approximation or interactive alignment of this knowledge. The interactive alignment is possible if the translator is well-versed in the knowledge of presuppositions in the language and conceptual word view of both the source and target languages. There are two types of presuppositional knowledge: that of language structures related to interlanguage asymmetries, including discursive features of the text cohesion and coherence that are also linguo-specific and referents (that connect language to extralinguistic situations), and that related to the extralinguistic situation (encyclopedic information about the world around us, culture and specific domains of knowledge and respectively translation). The article also presents the typology of the key translation difficulties caused by the inter-language asymmetries, which result in the need to interpret the sense in the SL message and to formulate IT in the TL using its linguo-specific means. These translation difficulties are illustrated with interesting examples from the LSP-texts that need a special precision in translation quite frequently understood by any beginner translator as the need to preserve the expression form in the TL, which leads to word-for-word translation or transcoding. The understanding of the role of interpretation in translation of LSP-texts helps to observe the norms of TL style and usage while at the same time it makes it possible to render the meaning and sense of the SL as was meant by the message sender.

Keywords: translation, interpretation, interlanguage asymmetries, professional translator/interpreter competences, LSP-texts, inferencing, presupposition, inference, implicature

For citation: *Davletshina D.K., Korovkina M.Ye. (2023) Interpretation revisited: its impact on LSP-translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 58–77. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-58-77*

The article was submitted on April 12, 2023;
approved after reviewing on September 25, 2023;
accepted for publication on September 29, 2023.

Введение

Сложная когнитивная природа перевода обуславливает междисциплинарный характер его исследований. По вполне очевидной причине первые исследования в этой области проводились языковедами и лингвистами: инструментами и материалом перевода выступают исходный язык (ИЯ) и язык перевода (ЯП), поэтому внимание исследователей привлекли прежде всего языковые структуры. Но даже в рамках лингвистических исследований перевода исследователям было понятно, что для качественного перевода, адекватно передающего смысл текста ИЯ, требуются знания не только языковых структур. Это понимание отражается в актуальных до сих пор моделях перевода, построенных в рамках лингвистической парадигмы, например, в теории эквивалентных соответствий Я.И. Рецкера (Рецкер, 2004), многоуровневой модели эквивалентности В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 2002), а также семиотической модели А.Д. Швейцера (Швейцер, 1988) и коммуникативно-деятельностной психолингвистической модели Г.В. Чернова (Чернов, 1987), ознаменовавших начало развития коммуникативно-деятельностной парадигмы в переводе. Кроме того, в рамках лингвистики было предпринято изучение перевода как процесса и результата. Параллельно с лингвистическими исследованиями развивалась интерпретативная концепция перевода, основоположником которой в отечественном языкознании является А.Н. Крюков (Крюков, 1988), освещающая с позиции семиотики роль интерпретации смысла в переводе.

В настоящее время происходит сближение этих двух подходов: развитие теории перевода протекает в русле когнитивно-коммуникативной парадигмы, что подразумевает введение в фокус изучения затекстовой внеязыковой действительности, коммуникативной ситуации и личностей участников коммуникации. А последователи школы интерпретации и герменевтики в практической деятельности не могут не прибегать к анализу текста ИЯ и ЯП, используя при этом лингвистические инструменты. И именно уровень владения данными инструментами в значительной, хотя и не в абсолютной степени, определяет качество перевода. В вышедшей в 2020 году монографии «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении» Э.Н. Мишкурова и М.Г. Новиковой (Мишкуров, Новикова, 2020) подводится своеобразный итог теоретических исследований в этой области, даётся всеобъемлющая характеристика современного состояния науки о переводе и объявляется герменевтический поворот в современной теории и методо-

логии перевода. В данном исследовании также делается попытка привести к единому знаменателю терминологию данной отрасли знания, отражающую разнообразие теоретических подходов к этому сложному когнитивному явлению.

В настоящей работе продолжается обсуждение данных тем, остающихся актуальными для теории перевода. Объектом исследования является перевод. Предмет исследования состоит в изучении когнитивной природы интерпретации смысла в переводе и роль переводчика-интерпретатора, способного осуществлять смысловые выводы на основе своих профессиональных компетенций. Цель исследования заключается в анализе взаимодействия компетентностного и интерпретационного факторов перевода и описании когнитивных механизмов, к которым прибегает переводчик в процессе интерпретации смысла текста исходного языка (ИЯ) и его передачи в тексте языка перевода (ЯП). Задачи исследования тесно связаны с его целью: 1) выявить лингвистические и экстралингвистические факторы, приводящие к необходимости интерпретации смысла текста ИЯ; 2) представить типологию переводческих трудностей, вызывающих необходимость интерпретации смысла; 3) показать специфику подхода к интерпретации при переводе текстов специальной коммуникации. Методы исследования — сравнительно-сопоставительный, метод переводческого моделирования и метод интроспекции. Материалом послужили примеры переводческих трудностей из специальных текстов политического дискурса, выполненных авторами данной работы в дидактических целях.

Проблема — компетентностный фактор и когнитивные механизмы интерпретации в переводе

Центральная роль в процессе перевода принадлежит переводчику, его личности. Для обозначения данного понятия И.И. Халеевой (Халеева, 1989) был предложен термин «вторичная языковая личность», который в теории перевода, судя по всему, так и не был принят. Например, в уже упомянутой монографии Э.Н. Мишкурова и М.Г. Новиковой этот термин отвергается в связи с его пейоративной окраской и нечёткостью понятия, с чем трудно не согласиться (Мишкуров, Новикова, 2020: 72–76). Тем не менее сама теория языковой личности продолжает развиваться в рамках когнитивной лингвистики, теории дискурса и других направлений исследований, характеризующихся антропоцентричностью методологических подходов. Уровень развития языковой лично-

сти переводчика измеряется его профессиональным мастерством, т.е. «профессиональной компетентностью», основывающейся на определённом наборе знаний, умений и навыков, или наборе компетенций. В лингводидактике и методике преподавания перевода разработан ряд моделей профессиональных компетенций переводчика. Например, модель М.Е. Коровкиной состоит из трёх блоков (Коровкина, 2017: 66–70). Первый блок представляет коммуникативную компетенцию, включающую знания языковых структур и умения пользоваться ими в речи, с учётом узкого лингвистического контекста (то есть их употребления в конкретном контексте), а также широких прагматических факторов, таких как коммуникативная ситуация, её участники (автор-отправитель сообщения, адресат-получатель и переводчик, выполняющий роль и получателя, и отправителя сообщения), дейксис, тематика, в которой отражается соотношение языковых структур текста с описываемым им отрезком внеязыковой действительности. Знания широкого прагматического контекста — энциклопедические знания о мире, культуры и специальных областей — представляют собой экстралингвистическую компетенцию переводчика, тесно связанную с коммуникативной компетенцией. Третья специальная компетенция объединяет когнитивные механизмы обработки информации, такие как инферирование, сопряжённое с интерпретацией, а также чисто технологические переводческие умения. Если речь идёт об устном переводе, особенно о синхронном, важную роль также

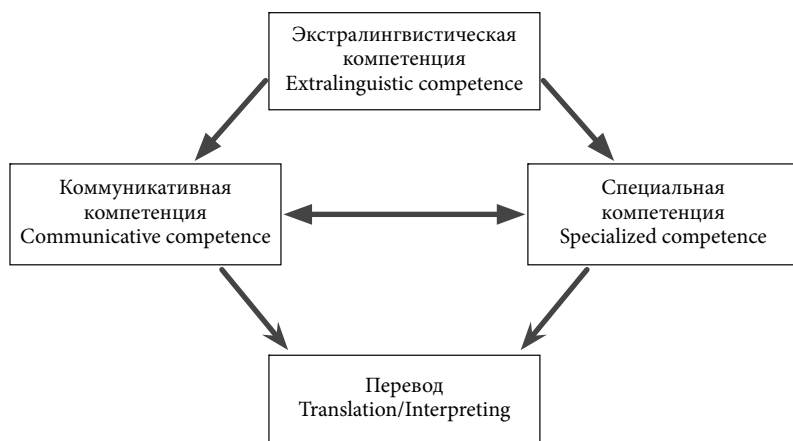

Рис. 1. Универсальная модель профессиональных компетенций переводчика

играет механизм вероятностного прогнозирования. В письменном переводе в связи с развитием машинного перевода важны умения работы с программами машинного перевода, постредактирования, поиска информации и использования её источников (что также необходимо и при подготовке по теме устного перевода). Три блока компетенций тесно связаны между собой, постоянно взаимодействуя в процессе перевода (рис. 1).

Переводчик, осмысляя текст ИЯ на основе коммуникативной компетенции, взаимодействующей с экстралингвистической и специальной, порождает текст ЯП, используя когнитивные умения и навыки специальной компетенции. В связи с этим представляется логичным описать этапы переводческого процесса. В теории перевода принято выделять три этапа — понимание отрезка текста ИЯ, принятие переводческого решения и переформулирование смысла на ЯП. При этом используются разные обозначения второго этапа. Так, И.А. Зимняя называет его «переформулированием содержания, переключением на другой языковой код» (Зимняя, 1978: 43–45), М. Ледерер — поиском переводческих решений и ревербализацией смысла (Lederer, 2014: 35–38). А.Ф. Ширяев, указывая три стадии процесса синхронного перевода, второй этап называет поиском переводческих решений (Ширяев, 1979: 101), а Д. Селескович — «удержанием в памяти ментальной репрезентации смысла сообщения» (перевод наш. — Д.Д. и М.К.) (Seleskovitch, 1998: 8). Некоторые исследователи выделяют только две его стадии — понимание смысла ИЯ и его переформулирование на ЯП (Gile, 2009: 101–104), рецепция и продукция, в свою очередь состоящие из четырёх процедур — предпонимания, понимания, интерпретации и принятия переводческого решения (Мишкуров, Новикова, 2020: 221]. В данной четырёхфазной схеме процесса перевода подготовительная работа переводчика называется «предпониманием», которое приводит к более глубокому пониманию текста, а принятие переводческого решения завершает процесс порождения отрезка перевода. Метод интроспекции показывает, что вторая стадия трёхступенчатой модели — поиск переводческих решений — практически не имеет протяжённости во времени. Если речь идёт об устном переводе, переводческое решение принимается за доли секунды, и даже если оно не очень удачно, переводчик сразу же, после осмысления отрезка звучащего текста (или речи выступающего в определённый отрезок времени) или одновременно с его осмыслением в случае синхронного перевода приступает к реформулированию смысла в ЯП или его ревербализации; в то время как этап понимания, так же

как и его формулирование средствами ЯП, имеет протяжённость во времени. В письменном переводе ситуация другая, при неспособности прийти к нужному переводческому решению можно пропустить трудное место, и переводческое решение через некоторое время может быть найдено в результате озарения, то есть при помощи интуиции. Тем не менее, интуитивное принятие хороших переводческих решений возможно только при профессиональном уровне развития переводческих компетенций. Графически процесс перевода можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

Рассмотрим теоретические предпосылки и основания принятия переводческого решения, то есть наилучшего или, используя термины теории перевода, адекватного способа передачи конкретного смысла текста ИЯ в тексте ЯП. В нашем понимании термин «адекватный» означает соответствующий по смыслу (а «эквивалентный» — не только по смыслу, но и по форме) (Иванов, 2015: 54).

Руководствуясь методом экономии усилий и пытаясь решить задачу эквивалентности перевода, переводчик на этапе восприятия-понимания осмысливает отрезок, подлежащий переводу, чтобы оценить, насколько возможно сохранение структурных особенностей текста ИЯ в ЯП при передаче смысла, заложенного в тексте ИЯ. При совпадениях или возможности перевода с минимальными расхождениями в языковых структурах ИЯ и ЯП используются эквивалентные соответствия. Но такая ситуация возможна далеко не всегда. В лингвистической теории перевода было представлено несколько моделей эквивалентности, например, В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 2002: 120–134), А.Д. Швейцера (Швейцер, 2002: 86–87), Е.В. Бреуса (Бреус, 2007: 31–77, 116–122, 137–138), в которых было продемонстрировано, в каких случаях переводчик вынужден

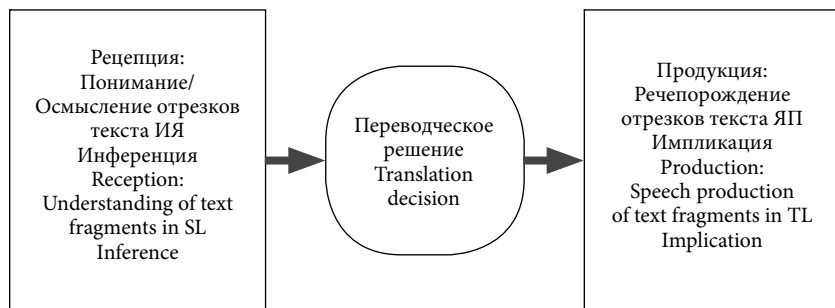

Рис. 2. Этапы переводческого процесса

отступать от заданного структурного своеобразия текста ИЯ и выражать тот же смысл лингвоспецифичными средствами ЯП, прибегая к переводческим приёмам, называемым в теории перевода переводческими трансформациями. Данные модели эквивалентности выявили нишу, в которых передача смысла в переводе невозможна без отхода от языковых структур текста ИЯ, фактически выводя из области эквивалентности прагматический уровень (Гарбовский, 2004: 301), в котором наиболее ярко проявляется интерпретация.

Результаты исследования

а) Интерпретация и интерактивное выравнивание

Интерпретация начинается уже с самого первого момента осмысления и понимания текста ИЯ и его отрезков, когда переводчик должен отличить языковой параллелизм от межъязыковых асимметрий, а также понять имплицитные смыслы, которые часто связаны с широким прагматическим контекстом и замыслом автора. Так, переводчик, являясь посредником в ситуации межкультурной коммуникации, должен понять смыслы, заложенные отправителем сообщения, на основе общности его собственных знаний и знаний отправителя сообщения. Для понимания заложенных смыслов переводчик прибегает к соответствующим инференциям. Затем эти смыслы ревербализируются на ЯП и адресуются в виде имплицатур получателю сообщения, также с учётом знаний последних. Получатели сообщения в свою очередь инферируют смысл полученного сообщения. Данный процесс выведения смысловых выводов в переводе мы предлагаем называть «инферированием» и считаем его основным когнитивным переводческим механизмом, представляющим собой суть перевода и переводческой интерпретации (Коровкина, Семенов, 2022), а также одним из ключевых умений, входящих в специальную компетенцию переводчика.

Н.В. Иванов выделяет два направления интерпретации: от референции к смыслу и от смысла к референции. По его мнению, первый вид характерен для диалога, когда «предъявляемый говорящим знак открыт собеседнику в своём смысловом аспекте» (Иванов, 2018: 81), второй повсеместно встречается в переводе. На наш взгляд, переводчик прибегает к интерпретации в обоих направлениях, когда, осмысливая отрезок текста ИЯ в качестве слушающего, он переходит от референции к смыслу текста ИЯ, используя инференции, а затем, переходя от смысла к референции, облекает понятый смысл в знаки ЯП, посылает своё сообщение слушающему в виде имплицатур.

Описанный выше механизм инферирования в переводе опирается на важный аспект осмысления текста. Э.Н. Мишкурлов и М.Г. Новикова предлагают назвать такое понимание текста и широкого прагматического контекста, основанного на герменевтическом круге, приводящем к более глубокому пониманию, «итеративной моделью» понимания (Мишкурлов, Новикова, 2020: 206).

Наблюдаемое в настоящее время конструирование нарративов в духе постмодернизма приводит к усилению субъективного начала и множественности интерпретации. Тем не менее У. Эко отмечает, что множественность интерпретации, зависящая от выбора читателя, ограничивается контекстом (Есо, 1994: 45, 50). Субъективный взгляд на передачу смысла текста ИЯ в тексте ЯП ограничивается пониманием контекста текста ИЯ в духе замысла автора текста и необходимостью передачи инварианта смысла, представляющего релевантную для данного контекста информацию. Следует отметить принципиальную возможность вариативности перевода при передаче определённого смысла, так же как и вариативности языковых номинаций, задающихся априори самой семиотической природой языка, языкового знака и перевода. При совпадении описания явлений внеязыковой действительности средствами ИЯ и ЯП трудностей в переводе не возникает и число вариантов снижается. Такие трудности возникают в случае межъязыковых асимметрий, т.е. несовпадений в языковых структурах (и концептуальных структурах знаний) при описании экстралингвистической ситуации и в случае передачи имплицитных смыслов, заложенных автором.

В случае наблюдения межъязыковых асимметрий переводчик должен осуществлять некое интерактивное выравнивание или аппроксимацию ментальных пространств или концептуальных картин мира отправителя и получателя сообщения. Термин «интерактивное выравнивание», заимствованный у С. Гаррода (Garrod & Pickering, 2004: 8), был введён в научный обиход применительно к переводу В.И. Заботкиной (Заботкина, 2020: 76). В свою очередь, Э.Н. Мишкурлов и М.Г. Новикова используют термин «аппроксимация» (Мишкурлов и Новикова, 2020: 187). Такая аппроксимация знаний отправителя и получателя сообщения осуществляется переводчиком на основе его собственного тезауруса, в котором важную часть занимают пресуппозиции — общие знания коммуникантов. Пресуппозиционные знания в широком смысле можно разделить на две большие группы: референциально-языковые, включающие языковые, связанные с лингвоспецифичными особенностями се-

мантики языка (имеем в виду семы или компоненты значения, сочетаемость и узус, то есть привычные или идиоматичные способы описания ситуации, а также связи в тексте) и референциальные, имеющие отношения к конкретному референту или денотату текста и служащие мостиком к экстралингвистическим пресуппозициям, представляющим собой широкий лингвистический контекст — знания о мире, культуры и конкретных специальных областей знаний. Именно на основе пресуппозиций переводчик способен делать смысловые выводы, то есть инферировать смысл текста ИЯ и имплицировать его в ЯП, справляясь с межъязыковыми асимметриями.

б) Типология переводческих трудностей

На основе анализа межъязыковых асимметрий нами была разработана типология переводческих трудностей и приёмов, применяемых для их разрешения, успешно применяемая в практике перевода и его преподавании:

1. Метафора. Например:

Both parties are seemingly consigned to become a footnote of modern history and the occasional doctoral thesis (курсив и выделение здесь и далее наше. — Д.Д. и М.К.). Если передавать значение метафор буквально, то перевод может выглядеть следующим образом: «Обеим партиям, судя по всему, в учебниках по современной истории суждено **стать примечанием**, но возможно, кто-то захочет написать о них диссертацию». Такой вариант не искажает смысл английской метафоры, она порождает схожие образы в сознании русскоязычного реципиента, поэтому этот вариант имеет право на существование. Если воспользоваться приёмом метонимии, то перевод может звучать так: «Обеим партиям, судя по всему, будет **отведено скромное (второстепенное) место** в книгах по современной истории, но возможно, кто-то всё-таки вспомнит об их роли».

2. Метонимия (в теории перевода представлена более дробная классификация данного когнитивного инструмента, представленная такими переводческими приёмами, как конкретизация, генерализация, антонимический перевод, конверсив и собственно метонимия в узком смысле понимания этого термина). Например:

The overall plan is inelegant. It has been cobbled together to appease the two opposing parties.... — **Общий план не отличался логичностью и стройностью. Он был составлен на скорую руку с целью примирения двух противоборствующих сторон.**

Английское прилагательное “elegant” подразумевает предмет «высшего класса», «первого сорта», «высокого качества». Характеризуя идеи, теории, планы, это прилагательное приобретает значение “clever, simple, attractive”, следовательно, “elegant plan” приобретает метонимическое значение при переводе «стройный, логичный план». В нашем примере мы встречаем антонимичное значение, поэтому адекватным переводом может быть «план, в котором отсутствовала логика», «который не был продуман и чётко сформулирован», «не отличался логичностью/согласованностью». Можно предположить, что этот план действий правительства «не представлял собой единого целого, не был стройным, был несовершенным, содержал противоречия», т.к. глагол “to be cobbled together” имеет негативное значение — «делать что-то на скорую руку, небрежно».

3. Имплицитные-эксплицитные конструкции:

Equal attention in the post-mortem focused on the reasons for the collapse in Labour support, especially in their North East Leave-voting, former mill-and-mining heartlands. — Такое же внимание *при анализе результатов выборов* уделялось *причинам резкого ослабления поддержки лейбористов, в особенности в регионах, которые в прошлом являлись центрами горнодобывающей и других отраслей промышленности на северо-востоке Англии, жители которых проголосовали за выход Великобритании из ЕС.* Латинский термин “post-mortem” используется метафорически и обозначает «разбор причин произошедшего, того, что было хорошо и плохо», сохранение образа в данной метафоре, очевидно, по стилистическим причинам невозможно. Аллегорическое значение данной метафоры заключается в том, что необходимо учиться на опыте прошлого, поэтому она часто употребляется в политической, технической сфере, в области бизнеса и экономики.

При переводе конструкции “mill-and-mining heartlands” необходимо применить приём экспликации: «индустриальные регионы» или «регионы с горнодобывающей промышленностью». Очевидно, что географическое указание “North East” также имеет определённое значение, т.к. на северо-востоке Англии традиционно находились депрессивные районы, в которых преобладала добывающая промышленность. Также необходимо обратить внимание на фразу “Leave-voting”, т.к. в связи с выходом страны из ЕС в английский язык вошло много неологизмов, требующих лингвокультурологического анализа при переводе. Этот пласт новообразований общественно-политического характера отражает раскол общества на

два лагеря: сторонники выхода (Leavers, Brexiteers) и противники выхода — (Remainers).

4. Передача логических связей в соответствии с нормами ЯП:

Mr. Levido was hired at a meeting in the Marylebone branch of Patisserie Valeir in July, having been approached by Mr Cummings the day Mr Johnson entered Downing Street. He agreed with one proviso... Для восстановления логических связей при переводе необходимо изменить порядок слов, а также применить приём экспликации: «Предложение Доминика Каммингса, политтехнолога избирательного штаба Бориса Джонсона, сделанное Айзаку Левидо о том, чтобы возглавить предвыборный штаб, последовало в первый же день, когда Б. Джонсон стал премьер-министром». Выражение “Downing Street”, как и многие топонимы, приобрело политический смысл и требует метонимического переноса в переводе. Английское предложение следует разделить на два в русском варианте, поменяв при переводе две части местами, чтобы не нарушить смысловую основу. Второе предложение также потребует синтаксической перестройки: «Окончательная договорённость была достигнута/ А по рукам ударили в июле в одном из лондонских кафе. Следует отметить, что для русскоязычной аудитории встреча в месте, обозначенном в оригинале как: “in the Marylebone branch of Patisserie Valeir”, скорее всего не имеет большого значения и не представляет интереса для понимания смысла в отличие от топонима Downing Street. В русском варианте достаточно будет перевести это как «кафе в центре Лондона». Другой вариант перевода не требует синтаксической трансформации, но переводчик также обязан произвести лексические замены для адекватной передачи логики изложения: «Айзак Левидо дал своё окончательное согласие на встрече, состоявшейся в июле в кафе в центре Лондона, хотя первые предложения к нему («зондирование почвы») стали поступать в первый же день, когда Б. Джонсон стал премьер-министром».

Перевод данных языковых структур особенно зависит от экстралингвистических знаний (энциклопедических знаний о мире, терминологии и реалий) переводчика. Переводчик должен выстраивать непротиворечивые логические связи в самом тексте и между текстом и внеязыковой действительностью. В случае возникновения противоречия можно с уверенностью утверждать, что речь идёт о смысловой ошибке (в пресуппозиционных знаниях) — или автора, или, скорее всего, переводчика. Кроме того, в нашей типологии мы выделили в качестве отдельного пункта передачу им-

плицитного смысла и соотношение имплицитных-эксплицитных конструкций в ИЯ и ЯП. На самом деле к экспликации или импликации переводчик вынужден прибегать и при переводе метафор, метонимий (при использовании метонимического переноса), и при передаче логических связей, так как в данном случае наиболее ярко проявляется необходимость аппроксимации пресуппозиционных знаний отправителя сообщения на ИЯ и его получателя на ЯП (см. пример 3, передача метафоры *in the post-mortem* метонимией и экспликацией).

с) Специфика интерпретации в текстах специальной коммуникации

Представленные нами примеры взяты из текстов специальной коммуникации (или языка для специальных целей — ЯСЦ): публицистических текстов политического дискурса, которые, как и любые тексты, принадлежащие к специальной области знаний, характеризуются особыми требованиями к точности перевода. Существуют разные, представляющие интерес подходы к анализу специальной коммуникации и ЯСЦ с точки зрения разных направлений исследований — терминоведения, функциональной стилистики, лингвистики текста, дискурс-анализа и теории языковой личности. Вслед за А.А. Майбородой, мы рассматриваем ЯСЦ как «социально обусловленный ситуативный вариант компетенции языковой личности, направленной на решение профессиональных задач в рамках соответствующего институционального дискурса, использующий номенклатурно и конвенционально принятые языковые средства, но также отражающий индивидуальные особенности говорящего» (Майборода, 2006: 44–45). ЯСЦ обслуживает коммуникацию специалистов той или иной отрасли знания, и политический дискурс рассматривается нами как специальная область коммуникации. Тем не менее публицистические тексты политического дискурса рассчитаны также и на широкую публику, к ним предъявляются особо высокие требования в плане стилистической адекватности ЯП. В настоящее время наблюдается частое использование переводчиком фонетических или лексических калек, вместо интерпретации смысла текста ИЯ при его передаче в ЯП, что ведёт к несоблюдению нормы стиля и узуса ЯП. Например, широко используются в публицистике «иранская ядерная сделка» вместо «соглашение о ядерной программе Ирана» (*Iranian nuclear deal*), появляются такие уродливые образования как «коалиция желающих» (*the coalition of*

the willing). В основном такую точность в ущерб стилистическим нормам преследуют при переводе терминологической, специальной и прецизионной лексики. Использование интерпретации при передаче смысла позволяет достичь баланса между соблюдением верности тексту на ИЯ и стилистических норм ЯП.

Дискуссия

В теории перевода, развивающейся в настоящее время в коммуникативно-когнитивной или деятельностной парадигме, уделяется должное внимание интерпретационным факторам в переводе. В связи с междисциплинарным подходом к исследованиям наблюдается большой разноречивостью в терминологии. Хотелось бы в этой области достичь понимания. Выше говорилось о том, что, возможно, следует вывести из научного обихода такие термины, как «переводящий язык» и «вторичная языковая личность», и вместо них использовать термин «язык перевода» (ЯП), «(языковая) личность переводчика», «профессиональные переводческие компетенции». При этом ввести новые, например, термин «инферирование», используемый для обозначения такого когнитивного механизма перевода, как выведение смысловых выводов переводчиком, инферирующим смысловой посыл говорящего на ИЯ и имплицитующим его на ЯП, что совпадает с двумя направлениями интерпретации — от референции к смыслу и от смысла к референции. Термин «интерпретация» используется в семиотике, в философии языка и по объёму понятия шире, чем инферирование. Также предметом дискуссии стали пока ещё не устоявшиеся термины «интерактивное выравнивание» или «аппроксимация» ментальных пространств или пресуппозиционных знаний говорящего и слушающего, осуществляемая переводчиком, выступающим одновременно в роли и говорящего и слушающего, которые с большей точностью описывают когнитивный характер интерпретации. Кроме того, в работе был только намечен анализ особенностей проявления компетентностного и интерпретационного фактора в переводе текстов специальной коммуникации. Данная тема требует дальнейшего развития.

Выводы

В данной работе мы сделали попытку охарактеризовать роль интерпретации в переводе текстов ЯСЦ. Интерпретация в художественных типах текста была давно признана в теории перевода, что объяснялось большим расхождением в стилистических и культурологических особенностях литературных произведений

ИЯ и ЯП. Результаты нашего исследования показывают, что использование интерпретации не зависит от типов и стилей текстов, так как она изначально, по своей когнитивной природе, присуща переводу. Переводчик вынужден прибегать к ней из-за межъязыковых асимметрий ИЯ и ЯП и несовпадений в обозначениях явлений внеязыковой действительности двух языков. На основе своих пресуппозиционных знаний референциально-языкового и экстралингвистического характера при помощи когнитивного механизма инферирования он интерпретирует смысл текста ИЯ при его передаче в ЯП, осуществляя аппроксимацию или интерактивное выравнивание знаний отправителя сообщения и его получателя. Необходимо делать упор на интерпретационном факторе в преподавании перевода, особенно текстов ЯСЦ, потому что начинающие переводчики при переводе таких текстов, требующих повышенной точности, склонны к буквализмам и излишнему использованию фонетических и лексических калек, противоречащих нормам стиля и узуса ЯП. Переводчик, обладая необходимыми профессиональными компетенциями и основываясь на своём тезаурусе, включающем пресуппозиционные знания, интерпретирует смысл текста ИЯ и воссоздаёт его в тексте ЯП, используя выразительные средства языка перевода, что было продемонстрировано практическими примерами перевода.

Список литературы

- Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский: учебное пособие. М.: Р. Валент, 2007. 320 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Заботкина В.И.* Когнитивные механизмы межкультурного диалога // Когнитивные исследования языка. М., 2020. № 2 (41). С. 76–80.
- Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». М., 2015. № 4. С. 34–65.
- Иванов Н.В.* Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 152 с.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- Коровкина М.Е.* Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Марина Евгеньевна Коровкина. М., 2017. 241 с.

Коровкина М.Е., Семенов А.Л. Инферирование и функциональный подход к тексту: на материале синхронного перевода. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 337–352.

Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис... д-ра фил. наук.: 10.02.20 / Анатолий Николаевич Крюков. М., 1988. 442 с.

Майборода А.А. О содержании понятия «язык для специальных целей» в свете теории языковой личности // Современное переводоведение: матер. XXXV Междунар. филол. конф. СПб.: Филол. факультет СПбУ, 2006. С. 38–45.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивном-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 298 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004. 240 с.

Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 216 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М.: Изд-во Мин. обор. СССР, 1979. 184 с.

Eco H. *The Limits of Interpretation*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994. 296 p.

Garrod S. & Pickering M. (2004) Why is conversation so easy? *TRENDS in Cognitive Sciences*. Vol. 8. No. 1, pp. 8–11. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.10.016>

Gile D. (2009) *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 286 p.

Lederer M. (2014) *Translation. The Interpretative Model*. New York. 239 p.

Seleskovitch D. (1998) *Interpreting for International Conferences*. Washington: Pen and Booth. 138 p.

References

Breus E. V. (2007) *Teoriya i praktika perevoda s angliiskogo yazyka na russkii: uchebnoe posobie = Theory and Practice of Translation from English into Russia: textbook*. Moscow: R. Valent. 320 p. (In Russian).

Chernov G. V. (1987) *Osnovy sinkhronnogo perevoda = The Fundamentals of Simultaneous Interpretation*. Moscow: Vysshaya shkola. 256 p. (In Russian).

Eco H. (1994) *The Limits of Interpretation*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 296 p.

Garbovskii N. K. (2004) *Teoriya perevoda = Theory of Translation*. Moscow: MGU, 2004. 544 p. (In Russian).

Garrod S. & Pickering M. (2004) Why is Conversation so Easy? Trends in Cognitive Sciences. Vol. 8 No. 1, pp. 8–11. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.10.016>

Gile D. (2009) Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 278 p.

Ivanov N.V. (2014) Antinomii interpretatsii: nachala analiza. Yazyk kak sistemnaya realnost v sotziokulturnom i kommunikanivnom izmereniyakh = Antinomies of Interpretation: the First Steps of Analysis. Language as Systemic Reality of Sociocultural and Communicative Dimensions. Materialy VIII mezhd. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii (June, 27, 2014, Moscow). Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, pp. 110–135 (In Russian).

Ivanov N.V. (2018) Interpretatsiya v znakovoi ontologii yazyka i v perevode = Interpretation in the Semiotic Ontology of Language and Interpretation. Moscow: ID “Mezhdunarodnyie otnosheniya”. 152 p. (In Russian).

Khaleeva I.I. (1989) Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi = Theoretic Fundamentals of Teaching Understanding Foreign Language/Speech. Moscow: Vyschaya Shkola. 238 p.

Komissarov V.N. (2002) Sovremennoe perevodovedenie = Modern Translation Studies. Moscow: EHTS. 424 p. (In Russian).

Korovkina M.E. (2017) Teoreticheskie aspekty smyslovogo modelirovaniya spetsial'nogo perevoda s rodnogo yazyka na inostrannyi (na materiale publitsisticheskikh tekstov ehkonomicheskoi tematiki): diss. ... kand. filol. nauk = Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): thesis of cand. of sciences (Philology)]. Moscow. 241 p. (In Russian) (thesis).

Korovkina M.E., Semenov A.L. (2022) Inferirovanie i funktsional'nyi podkhod k tekstu: na materiale sinkhronnogo perevoda = Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.* V. 13. No. 2, pp. 337–352. (In Russian).

Kriukov A.N. (1988) Metodologicheskiye osnovy interpretativnoy kontseptzii perevoda = Methodological Basis of the Interpretative Concept of Translation: diss. ... d-ra fil. nauk. Moscow. 442 p. (In Russian) (thesis).

Lederer M. (2014) Translation. The Interpretative Model. New York. 239 p.

Maiboroda A.A. (2006) O sodержanii ponyatiya “yazyk dlya spetsial'nykh tselei” v svete teorii yazykovoi lichnosti = On the Notion of Language for Special Purposes from the Perspective of Language Personality Theory // *Sovremennoe perevodovedenie: mater. XXXV mezhdunar. filol. konf.* SPb: Philol. fakultet SPbU = The Current Status of Translation Theory: the proceedings of the XXXV internat. philologic. Conf. SPb: Philological Department of SPbU. P. 38–45.

Mishkurov E.H.N., Novikova M.G. (2020) Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivnom-germenevticheskom osveshchenii = Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology. Moscow: Flinta. 298 p. (In Russian).

Retsker YA.I. (2004) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* = Translation Theory and Practice. Moscow: R. Valent. 240 p. (In Russian).

Seleskovitch D. (1998) *Interpreting for International Conferences*. Washington: Pen and Booth. 138 p.

Shiryayev A.F. (1979) *Sinkhronniy Perevod* = Simultaneous Interpretation. Moscow: Publishing House of the Defense Ministry. 184 p. (In Russian).

Shveitser A.D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* = Translation Theory: its Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russian).

Zabotkina V.I. (2020) *Kognitivnye mekhanizmy mezhkul'turnogo dialoga* = Cognitive Mechanisms of Intercultural Dialogue. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Moscow. No. 2 (41), pp. 76–80. (In Russian).

Zimnaya I.A. (1978) *Psihologicheskiye aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom iazyke* *Psychological Aspects of Teaching the Skill of Speaking Foreign Language*. M.: Prosvescheniye. 160 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Давлетшина Дилъра Кутдусовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка № 1, МГИМО-Университет (Московский государственный институт международных отношений), 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76; dilyara4mail@gmail.com, +7 (915) 495 85 25. РИНЦ: 307460, ORCID: 0000-0001-9183-7284, SPIN-code: 6403-9587. *Сфера научных интересов*: проблемы перевода, в том числе проблемы интерференции, когнитивная лингвистика, общественно-политические реалии, межкультурная коммуникация (русский, английский, немецкий).

Коровкина Марина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, МГИМО-Университет (Московский государственный институт международных отношений), 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76; mekorovkina@gmail.com; +7 (916) 682 46 61. РИНЦ: 899367, ORCID: 0000-0002-7423-0541, SPIN-code: 9873-4733, Scopus: 57216935508. *Сфера научных интересов*: проблемы перевода, в том числе синхронного, в частности, моделирование смысла, компаративистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация (русский, английский, испанский).

ABOUT THE AUTHORS:

Dilyara K. Davletshina — Cand. Sc. (History), Associate Professor at the English Language Department № 1, MGIMO-University (Moscow State Institute of International Relations), 76, pr. Vernadskogo, Moscow 119454, Russia; dilyara4mail@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9183-7284, SPIN-code: 6403-9587. *Research interests*: problems of translation, including the phenomenon of interference, cognitive linguistics, cultural-political studies, intercultural communication (Russian, English, German).

Marina Ye. Korovkina — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Language Department No. 1, MGIMO-University (Moscow State Institute of International Relations), 76, pr. Vernadskogo, Moscow 119454, Russia; mekorovkina@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7423-0541, SPIN-code: 9873-4733, Scopus: 57216935508. *Research interests:* problems of translation, including simultaneous interpreting, in particular, modeling of meaning, comparative studies, cognitive linguistics, intercultural communication (Russian, English, Spanish).

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.